

Александр Зорькин

**ПОХИЩЕНИЕ
ЭСМЕРАЛЬДЫ**

Александр Владимирович Зорькин
ПОХИЩЕНИЕ ЭСМЕРАЛЬДЫ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64575921

ISBN 9785005347015

Аннотация

Повесть об армии, балете и о большой неразделённой любви двух хороших людей, которые так и не смогли преодолеть возникшие перед ними препятствия.

Содержание

ПОХИЩЕНИЕ ЭСМЕРАЛЬДЫ	5
1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	15

ПОХИЩЕНИЕ ЭСМЕРАЛЬДЫ

**Александр
Владимирович Зорькин**

© Александр Владимирович Зорькин, 2021

ISBN 978-5-0053-4701-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПОХИЩЕНИЕ ЭСМЕРАЛЬДЫ

Да-да, я дядя Макар. А с Доктором мы дружим ещё с Приморья.

Доктор человек бывалый. Как у всякого бывалого человека и в его памяти множество житейской всячины. Мне запомнилась одна история, «балетная история». Вот она в изложении самого Доктора.

Итак...

1

Несокрушимая и легендарная,
В боях познавшая радость побед,
Тебе любимая, родная армия,
Шлёт наша Родина песню-привет.
Шлёт наша Родина песню-привет.

Хорошая песня, песня моей армейской молодости. Под эту песню ежедневно, после утреннего построения, маршировали мы на «боевую и политическую»! А этим летом стали маршировать и на работу.

2.

Дело в том, что наш славный сапёрный батальон на ответственном задании «партии и правительства» — строительство рисовых полей, точнее рисовых чеков. А что делать? Приказ есть приказ! И батальон с ранней весны в приморских палестинах. Рисовые чеки совершенно не военные объекты, но копать в земной поверхности сапёрам не привыкать.

Как и не привыкать к полевым условиям, ибо живём в палаточном лагере, живём поротно и повзводно. Здесь же и кухня и столовая. Да чего это я взялся за описание лагеря? Лагерь, как лагерь. А кто желает каких-либо уточнений, чи-

тайте войсковые уставы, там всё подробно написано. Уставы книга не секретная, открытая и ветрам и дождям, а также и любопытным, и не очень любопытны гражданам. Читайте, наслаждайтесь. Лично я читаю и наслаждаюсь уставами шесть лет, потому что мой армейский стаж, а вернее, армейская выслуга, шесть календарей.

Ну, что понятна сия информация? Надеюсь понятна.

Ах да! граждане, простите, простите, простите, не представился вам. Я врач батальона, старший лейтенант. Имя и фамилия? А вот это совсем не обязательно. В батальоне раз и навсегда я для всех Доктор. Так заведено величать врачей в армии. Больше о себе распространяться не стоит. Повествование, в основном, о моём друге капитане Бережёве, Иване Александровиче Бережёве. Бережёв среднего роста, подтянут, причёска «короткий ёжик». Возраст приблизился вплотную к сорока годам. О таких у нас говорят — старый капитан. Была и семья, но сейчас старый капитан одинок, как перст.

А вот и ещё информация. Дело в том, что, конечно, сапёру в земле копать дело привычное, да не совсем непривычно быть в отрыве от семей, а мы в «отрыве» скоро полгода, а сколько ещё? Неизвестно! Вопрос о доме самый больной вопрос! Ответа на него нет, покамест нет.

Честно признаюсь, осточертели палатки, вагончики, грязное бездорожье, называемое дорогой до города Арсеньева, ближайшего к лагерю города.

Осточертела нудная непривычная работа: ну, разве сапёрное дело превращать необъятное поле в инструмент для выращивания риса? А нам приказали! А приказы, тем более приказы «партии и правительства», не обсуждаются. Не буду, не буду, не буду...

А знали бы вы, как осточертел сытный, но однообразный харч в батальонной столовой. Столовая — длинный и широкий навес из горбыля, и столы из горбыля. На столах по утрам перловка с тушёнкой, в обед тоже тушёнка, но с «концентратовой картошкой», и вечером тушёнка, чёрт знает с чем. Я так наелся тушёнки, что и через много лет на нее смотреть не могу.

Но хуже тушёнки осточертели вечера: домино, покер, и кинотеатр с ветхозаветной киношкой. Киношка на простыни. Простынь натянута на раму, сколоченную из того же горбыля. После кино — общий отбой.

Ку-ку, товарищи! А никуда не денешься. Можно, правда, посетить Арсеньев. Но, во-первых, до него даже не семь, а все семнадцать вёрст киселя хлебать, да по бездорожью. А во-вторых, начальством такие походы не приветствуются.

Почему не приветствуются и не приветствовались? Об этот чуть позже.

А сейчас ещё одна, самая значимая информация. Началась революция. Да-да, революция. Её название горбачёвская перестройка. А что хорошего стране от революций? Да ничего хорошего, сплошное хамство!

Ку-ку, товарищи!

И в наших «несокрушимых и легендарных», в армейских рядах разброд и шатание. Каждая экспедиция в Арсеньев заканчивается пьянкой, жестокой и безнадежной.

Вот так мы докуковали до сентября.

3.

А сегодняшнее, воскресное утро, у нас с Иваном на берегу одной из стариц Арсеньевки. Старица называется Кудрявым каналом. Канал не широкий, но довольно полноводный, а главное рыбный. Плотва, снова плотва, и карасики. Рыбка хорошее разнообразие в проклятом тушённом харче. Клёв нормальный, хороший клёв. Ещё с пятки хвостов и, эх! заварим прямо на берегу уху. Ветки сушняка станут костром. Столом послужит расстеленная на песочке плащ-палатка. И стол, и очаг — не богато. А вот берёзовое богатство вокруг нас настоящее богатство.

Молоденькие берёзки переоделись в золотистые сарафанчики и в ожидании чего-то необыкновенно хорошего, замерли на золотом ковре из золотистой травы и из золотистых, опавших листьев. Золотистое спокойствие накрыло и зеленую воду, и коричневый песок, и меня, и Ивана. И...

— Товарищ капитан! Товарищ капитан Бережёв, вас срочно к комбату!

Посыльный солдатик ничего объяснить не мог. Оно и понятно: послали, выполнил. Но мы с другом заинтригованы.

Зачем, в такую рань, время и к девяти утра не приблизилось, комбат затребовал Ивана. Я решил не оставлять товарища. Комбат встретил нас на передней линии лагеря. Он явно чем-то возбуждён.

– Слушай-ка, Иван Александрович, рядовой Метлицкий твой кадр? Как он?

– Как он? Товарищ подполковник, да он из артистов, которые... в балете. Балерун! А балерун и в Африке балерун, и на рисовых полях. Толку от таких ноль целых, хрен десятых. Не скажу, что мучаюсь, но отдам, куда угодно, не сомневаясь.

– Я так и думал, но только что дозвонились из округа, из самого округа! Представляешь, приказали срочно уволить в запас и срочно отправить в Арсеньев, где сдать под расписку в тамошний городской комитет коммунистов.

– Товарищ подполковник, да Метлицкий и так подлежит осеннему увольнению...

– Иван Александрович, ты солидный капитан, вдумайся, из округа требуют! Кто он такой этот солдат, чтоб столько шума? В нашу глушь дозвониться трудно, но дозвонились. Значит так, приказ на увольнение готов. Бери мой «уазик», бери Метлицкого, отвези и сдай по квитанции. Возьми с собой Доктора, чтоб было веселее. А вот и Метлицкий. Быстро собрался. Молодец! А что за череп на пальце? Перстень такой? Не одобряю. Но препятствовать не буду. Ты дембель. Тебя отвезут. Понятно?

– Так точно!

4.

Местное бездорожье лютое бездорожье. А тем, кто не ездил по пашей дороге, скажу, что скорость езды составляет шестьдесят, как бы выразиться поаккуратнее... Ну, в общем, ездим со скоростью шестьдесят жопо-толчков в минуту. И сей показатель не плохой, бывает и хуже.

В городской резиденции КПСС мы оказались только к полудню. К моему удивлению, нас немедленно встретили. В обширном вестибюле женщина в чёрном торопливо подошла к нам:

– Кто Виталий Метлицкий?

– Я Метлицкий, — звонко доложил Метлицкий. Перед отъездом он переоделся в светлую кремовую «тройку». Гибкая стройная фигура красиво смотрится в ладно скроенном костюме. «И откуда что берётся», — пробурчал ещё в «расположении» перед посадкой в «уазик» Бережёв. «Синичка в клювике принесла. Не волнуйтесь, товарищ капитан, всё законно», — успокоил его вновь испечённый дембель под одобрительный гомон провожающих.

– Значит вы солист Ленинградского Кировского театра оперы и балета?

– Совершенно точно, как и совершенно точно, что я ровно два года, как бывший солист, а на сегодня ещё и бывший рядовой 218 отдельного инженерно-сапёрного батальона.

Женщина в чёрном с благоговейным подобострастием смотрит на бывшего солиста и бывшего солдата.

— Вы молод, вы наверстаете. Пройдёте ко мне, там обсудим. В час дня начнётся генеральный прогон балета. Вам писали. Вам желательно присутствовать. И ваши товарищи, надеюсь, пожелают посмотреть спектакль. Ленинградские артисты! Пожалуйста, вот приглашения. В клубе «Таёжников» ровно в час дня.

И женщина в чёрном увела Метлицкого. Ну, и мы с Иваном направились к выходу.

— Каков гусь! — сокрушается мой товарищ. — Артист-солист, да ещё из Кировского театра.

— А ты что не знал?

— Не знал. Вернее, кое-что до меня доходило. Но ты вспомни, в марте по тревоге нас начали доводить до полного штата. И когда развернули лагерь под Арсеньевым, всё еще приходило пополнение. А кого к нам присылали? Сам знаешь, кого в таких случаях присылают: лучших людей, то бишь на тебе боже, что мне не гоже! И Метлицкий видать ещё тот фрукт. За какие такие дела попёрли из артистов в солдаты? Вот то-то! Но с этим проехали!

Но скоро стало ясно — не «проехали»! Больше того наша, если можно так выразиться, езда по истинному «бездорожью» и не началась.

В фойе клуба «Таёжников» по-таёжному просторно, и одновременно не по-

таёжному богато, вызывающе богато. В фойе много чего имеется, но главное — аквариум. Таких сосудов мне видеть не приходилось. Метров, ну... восемь в длину, и метра три в ширину. И высота приличная. Бассейн! В чистойшей воде красиво расположены водоросли, сбоку подводный готический дворец. И рыбы. Рыбы похожи на карасей. Пригляделся. И в самом деле, караси! Почему-то подумалось, лебедей бы сюда, тоскующую красавицу и был бы полный набор для отдохновения утомлённых душ, как юных, так и умудрённых длительным житейством. А что в фойе ещё? Стены фойе в два этажа. По периметру второго этажа широкий балкон-галерея. Балконные перила в гирляндах цветов, цветы искусственные, но пышные, красивые.

Внезапно слышу:

— Нравится? А ведь аквариум полностью разбирается на мелкие составные. Бортики под хрусталь. Днище из пластика. Аляповато, но денег не пожалели, — сказала партийная женщина в чёрном. — Рекомендую посетить буфет. Прогон спектакля без антрактов. Подкрепитесь.

И мы в буфете. Да, действительно, по нынешнему, по перестроечно-революционному времени прекрасный буфет. Взяли по две бутылки «жигулёского» и бутерброды с копчёной колбасой. Мать честная, и Метлицкий пожаловал в буфет, и сразу к нам.

— Правильно сделали, что пришли на балет, — учтиво поклонился Метлицкий. — И вас Доктор и вас, товарищ капитан, смею заверить, не пожалеете. Местная прима потрясающая танцовщица! Собственно она не местная, а, как и я, питерская. Представляете, она в выездной бригаде по просьбе краевых партийных товарищей. Гастроли — как всегда, но слёг с аппендицитом худрук. Можно и без него, но решили подстраховаться. Вспомнили обо мне. Почему и как? Не знаю. Но вспомнили! И вот в форс-мажорном режиме я здесь. Завтра вольюсь в коллектив. А пока у меня положение наблюдателя. Мой танец никуда не денется. Конечно, необходимо восстановить форму.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.